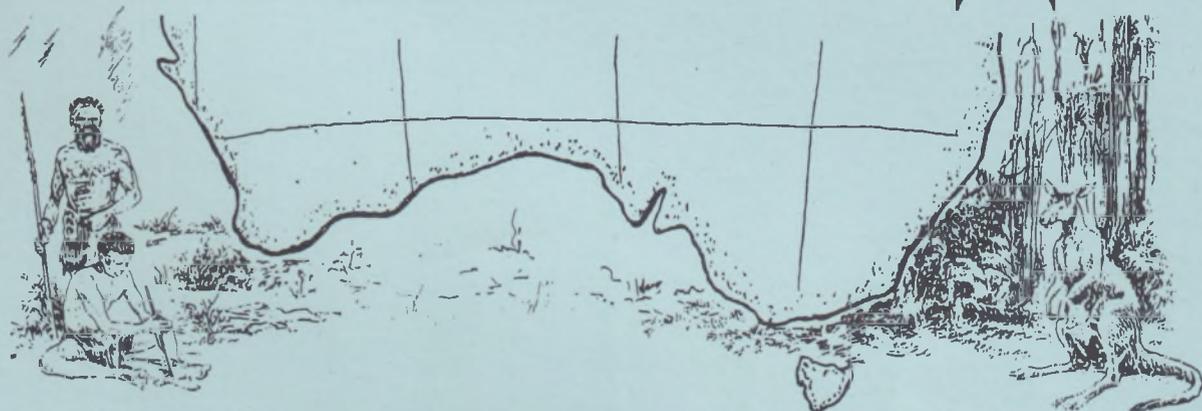

АВСТРАЛИАДА

Русская ~~~
~~~ история

СИДНЕЙ

1998 г.

Из ранней истории

Елена ГОВОР, Владимир КАБО

У БОНГАРИ, НА РУССКОМ МЫСУ

Еще в 18 веке таинственные темнокожие жители Новой Голландии, как тогда называли Австралию, занимали воображение русских. В 1793 году, переводя на русский язык отчет об аборигенах, принадлежавший перу Джона Хантера, переводчик Александр Струговщиков поделился своими фантазиями с читателями: "Итак, если б житель Новой Голландии приехал прямо в Петербург, то почел бы он нарядных наших шеголей за людей, одаренных отменной красою; носящих полосатое платье за подобных несколько себе; каменные наши дома показались бы ему испещренными горами; кареты—движимыми холмами; а может быть пироги, калачи и кулебяки—кореньями на берегах Невы растущими". Говоря о петербургских шеголях, Струговщиков вероятно имел в виду, что аборигены "почитали" одежду "за разные кожи тела, а шляпы за часть головы", а что касается полосатой одежды, то это прямой намек на обычай австралийцев расписывать свое тело белыми полосами. Надо сказать, что русские читатели вскоре начали получать и разнообразную достоверную информацию об аборигенах, т. к. уже в конце 18 - начале 19 века на русский язык были переведены путешествия Джеймса Кука, Франсуа Перона, Жака Араго и Дюмон-Дюрвиля.

Вскоре, в 1807 г., когда в Австралии побывал русский корабль "Нева", состоялась первая настоящая встреча русских с аборигенами. Записей об этих контактах не сохранилось, но они несомненно были, т.к. русские привезли коллекцию оружия: копья, копьеметалку, палицы, бумеранги, щиты. Однако уже следующая экспедиция на "Суворове" в 1814 г. и особенно последовавшие за ней научные экспедиции 1820 г. собрали уникальный этнографический материал, представленный в отчетах, дневниках, статьях, книгах, рисунках и коллекциях моряков. Большая часть его сохранилась до наших дней и чрезвычайно интересна и для этнографов, и для историков, да и для самих аборигенов, потомков тех, с кем встречались русские. Именно об этих оригинальных русских наблюдениях мы и будем говорить. Вообще же материалы, собранные и опубликованные моряками, включали и многочисленные сведения, полученные ими от английских колонистов в Австралии.

До прихода европейцев на южном берегу залива Порт-Джексон жило племя зора (общины кадигал и вангал), а на северном берегу—курингай. Участники Первого флота, прибывшего в Порт-Джексон в 1788 г., собрали ценный этнографический материал об аборигенах и записали некоторые слова их языка. Последствия европейского вторжения были, однако, настолько разрушительны, что спустя несколько десятилетий аборигены, первыми вступившие в контакт с европейцами, были в значительной степени сметены с лица земли. Они потеряли свои традиционные земли, пристрастились к алкоголю, а эпидемии европейских болезней косили их сотнями. К моменту захода русских кораблей в Порт-Джексон численность аборигенов значительно сократилась, их традиционный образ жизни был нарушен, но, как мы увидим ниже, еще не разрушен полностью и, по существу, русские моряки стали последними европейцами, успешными сохранить для истории свидетельства жизни целого народа накануне его исчезновения.

В то время как русские корабли стояли на якорю в Сидней-Ков или напротив Русского мыса (Кирибилли Пойнт), моряки часто видели туземцев, проплывавших мимо в лодках на рыбную ловлю или в город, продавать свой улов. Иногда аборигены поднимались на борт корабля—познакомиться с заморскими гостями и произвести обмен. Но большинство контактов происходило на северном берегу, где располагались русские во время стоянок 1820 г.. Да впрочем и на южном берегу, там где сейчас стоит Оперный театр и находится Гайд-парк, русские успели застать аборигенов, ведущих во многом традиционный образ жизни.

Рассказывая об аборигенах, русские, в сущности, рассказывали и о самих себе, раскрывали свою систему ценностей. Конечно, их взгляды, как и взгляды других европейцев, отличались евроцентризмом—чувством собственного превосходства и убеждением в том, что аборигены стоят на одной из самых низких ступеней развития цивилизации. Но в то же время отношение русских к аборигенам было согрето чувством сострадания, жалостью к "младшему брату". Не удивительно, что русские, в отличие от других европейцев и американцев, оставили по себе добрую память на многих островах Тихого океана, почти никогда не вступая в вооруженные конфликты с туземцами. Даже в инструкции Морского министерства, данной Беллинсгаузену, рекомендовалось поступать с туземцами с "величайшей приязнью и человеколюбием, избегая сколько возможно всех случаев к нанесению обид и неудовольствий". Что же до русского евроцентризма, то он ярко выразился в том, что русские обращали особенное внимание на отсутствие у аборигенов одежды и нежелание носить европейскую, на кочевой образ жизни и отсутствие жилищ, на "беспечность" и "лень" аборигенов. Кроме того для русских был характерен особый интерес к "вождям" и "королям" у аборигенов.

Судя по частоте упоминаний, наличие жилища выступало для русских одним из основных показателей культурного развития. Многие из них с какой-то маниакальной настойчивостью повторяют, что слышали о том, что аборигены живут в шалахах из коры, и выражали сожаление, что самим им удалось увидеть лишь ветровые заслоны из веток вокруг костров. Идея о том, что именно жилище является непрременной принадлежностью человеческого поселения, достигло своего апогея в рисунке художника Павла Михайлова "Жители Новой Голландии". Изобразив семью аборигена Бонгари, чью стоянку на северном берегу русские неоднократно посещали, но никогда не видели там ничего, кроме ветровых заслонов, Михайлов, тем не менее, в качестве компаньюющей доминанты картины изобразил огромный шалах из жердей и коры, явно

Павел Михайлов. Жители Новой Голландии 1820

пользуясь не собственными наблюдениями, а чужим описанием или рисунком, ведь шалашей таких размеров в этом районе Австралии никогда не было.

Аналогичным образом убеждение русских в том, что центральная власть является одной из важнейших скреп любого человеческого общества, и непонимание того, что оно может структурироваться другими институтами, не позволяло им вникнуть в подлинную социальную структуру общества аборигенов и сказывалось в их повышенном интересе к так называемым "королям". Весь этот набор стереотипов нашел блестящее отражение в незамысловатом дневнике матроса Егора Киселева, где он пишет об Австралии: "Обыватели в городе англичане, по островам живут преможеество диких, в лесу как зверь живут, не имеют никаких квартир, питаются с дерев шишками и рыбой. Есть тоже король, имеет знак у себя на груди, пожалован английским королем. И тут наш капитан пожаловал ему гусарский мундир и бронзовую медаль".

Неодобрение "беспечности" и "лени" аборигенов было вызвано непоколебимым убеждением русских в том, что образ жизни белых людей с каждодневным тяжелым трудом и накоплением материальных богатств является единственно достойным человека. Они еще не были готовы допустить, что может существовать общество с другой шкалой ценностей, с другой жизненной философией. Капитан Михаил Васильев выразил это наиболее безыскусно: "Я думаю, главное, что диким не нравятся труды; не может быть, чтобы они, образ жизни видя европейцев, не понимали, что он есть лучше их".

Не удивительно, что и внешность аборигенов казалась русским отталкивающей: "Черты лица отвратительные" (Павел Новосильский), "Старики лицом угрюмы и кажутся печальны, и почти все их черты показывают что-то подозрительное, жестокое и лукавое" (Алексей Российский). Однако по мере того как русские ближе знакомились с аборигенами, они начинали относиться к ним со все большей симпатией. Например, Иван Симонов, живший на Русском мысу недалеко от лагеря аборигенов, пишет, что "все дикие, около берегов Порт-Жаксона живущие, добры и смирны". Он сам, безоружный, неоднократно посещал безбоязненно их ночные шумные сборища. Он же с явной симпатией описывает свои встречи с аборигенами северного берега — Бонгари и Бурра-Бурра.

Особенную симпатию русских вызвали поступки аборигенов, которые соответствовали европейским представлениям о поведении и морали "благородного дикаря". Например, несколько участников экспедиций 1820 г. описали во всех подробностях благородный и великодушный поступок Бонгари, который не только вызволил беглого ссыльного из рук враждебного племени, но "в три дни, на спине своей, принес его в Порт-Жаксон, переходя с ним реки и питая его кореньями; в награду ничего не просил, кроме прощенья спасенному беглецу". Маленькие человеческие слабости аборигенов тоже понятны русским и вызывают их добрую улыбку. Так, Симонов рассказывает, что Бурра-Бурра, желая выглядеть на портрете художника Михайлова при полном параде, "сыскал на земле палочку, продел ее сквозь среднюю преграду носа и стал в прежнее положение", попросив художника дополнить этот недостаток в его портрете. Извиняют русские и в стремление аборигенов получить при обмене лишнюю бутылку рома. Но вот нежелание аборигенов принимать в обмен поношенное платье, или история с тем же Бонгари, бросившим подаренный ему губернатором домик и сад и вернувшимся к прежней кочевой жизни, неизменно ставят русских в тупик.

Особенно наглядно ощущение того, что аборигены в своих поступках руководствуются совсем иными жизненными ценностями, заметна в описанной Российским встрече с туземцами на мысу Бенелонг в 1814 г., как раз там, где ныне расположен знаменитый Оперный театр. Астрономические наблюдения, которые

проводили там Российский и де Сильве, привлекли к ним группу аборигенов, состоящую из четырех мужчин и одной женщины. Первоначально их поведение еще как-то укладывалось в рамки представлений Российского о любопытстве "дикарей". Он подробно описывает, с каким интересом аборигены рассматривали астрономические инструменты, причем видно, что они вели себя как настоящие исследователи, стремящиеся проникнуть в суть вещей. Особенно заинтересовали их искусственный горизонт, наполненный ртутью, и внутреннее устройство часов с маятником. Один из аборигенов разгадал секрет механизма и не успел Российский оглянуться, как абориген, засунув прутик между шестеренками, остановил их. Описание дальнейшего поведения аборигенов, сделанное Российским, явно передает его недоумение. Раздосадованный "экспериментом" с часами, он попытался прогнать аборигенов. "Постояв несколько минут, дикие громко захохотали и пошли прочь. Отошедши от нас, они развели огонь, набрали на берегу ракушек и, поджарив оные, начали есть, не говоря ни слова почти целый час. По прошествии сего времени они начали разговаривать, сначала тихо, но потом чрезвычайно шумно..."

Художник экспедиции Михайлов, кажется, глубже других проник во внутренний мир аборигенов. Его рисунки отличает романтично-героическая идеализация их внешнего облика, поз, поступи, что особенно хорошо видно при сравнении двух портретов Бонгари—работы Михайлова и местного австралийского художника. Хотя на рисунке "Жители Новой Голландии" компановка фигур и позы аборигенов имеют несколько нарочитый характер, Михайлов, как кажется, интуитивно принимает структурирование пространства самими аборигенами, изобразив их ключевые архетипы обитаемого пространства—окружность и полуокружность. Здесь в центре находится костер, вокруг него полукругом сидят аборигены, и всю эту группу охватывает полукруглый вход в шалаш. Теперь мы знаем, что окружность и полуокружность как графические элементы, обозначающие костер, стоянку, общность людей, широко используются в традиционном "абстрактном" искусстве самими аборигенами. Эти символы преобладают в ритуальных изображениях на земле, в расположении людей во время обрядов, в плане жилищ и поселений, в хозяйственном освоении территорий.

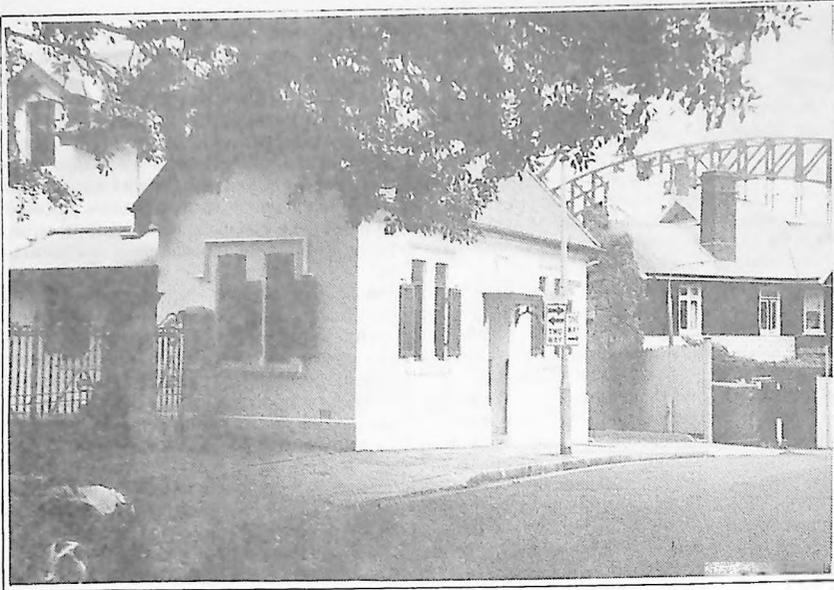
Рисунки другого художника, Емельяна Корнеева, посетившего Порт-Джексон в 1820 г. на "Открытии", утрачены, сохранился лишь их список, из которого мы узнаем, что он изобразил аборигенов на картинах "Ночное собрание новоголландцев" и "Танец кенгуру". Он также сделал зарисовки их оружия, украшений и одежды. Очевидно, его особенно привлекала "экзотика", например ночное корробори, которое Симонов и Васильев описывали так: "Новоголландцы, совершенно нагие, стояли фрунтом и прыгали вверх, не нарушая своего порядка, а один впереди, обратившись к ним лицом, бил такт двумя палочками, одной о другую, и пел". "Музыка их состояла из двух палочек, которыми единственный музыкант ударял в такт, и громким голосом пел нестройную песню, а танцующие стояли перед ним в один ряд, прыгали за всяким ударом палочек

Павел Михайлов. Бонгари. 1820

Чарльз Роднус. Король Бонгари. 1832.
Национальная библиотека Австралии

Где-то здесь и была стоянка Бонгари. Ныне - помещение для охраны Дома Кирибилли. Справа видна арка Сиднейского моста.

и прилевали: пррс, пррс, пррс". Но все-таки экзотика, как кажется, не стала доминантой русского восприятия аборигенов. Скорее это было удивление простотой их жизни и, пожалуй, свойственной русским сочувствие к несчастным "дикарям".

Наряду с этими любопытными зарисовками своего субъективного восприятия, русские моряки оставили и ряд достоверных описаний своих контактов с аборигенами, которые ныне могут служить ценным источником для реконструкции традиционного образа жизни аборигенов. Так, в 1814 г. русские моряки стали очевидцами важного общественного события в жизни аборигенов южного побережья Порт-Джексона — заранее запланированного ритуализованного разрешения конфликта между двумя группами аборигенов, возможно племенами, завершившегося кровопролитным сражением. Особо ценно то, что мы располагаем двумя независимыми описаниями этого сражения, сделанными двумя русскими очевидцами — Российским и Семеном Унковским. Последний указывает точное место его проведения — "за новыми госпитальными, на месте называемом Гайд-Парк". Можно предположить, что эта территория являлась важным традиционным местом межгрупповых собраний и обрядов, которая вероятно поэтому и не была застроена при первоначальной планировке Сиднея. По оценке русских в сражении первоначально участвовало 50 человек, а затем их количество выросло до 100. Две партии участников сражения составили окружность длиной около версты.

Оба русских очевидца отмечают жестокость сражения, его кровопролитный характер: "Нельзя даже вообразить, с какою свирепостью и отчаянием нападают они друг на друга, бьют и отбиваются, если же кто, лишившись сил, упадет, то мгновенно, с зверскою радостью, добивают его до смерти". Хотя при сражении присутствовало в качестве зрителей большое количество белых, его массовость и кровопролитный характер свидетельствуют о том, что перед нами описание традиционного, а не инспирированного англичанами конфликта. То, что к 1814 г. сила традиционных связей и обязательств даже у "цивилизованных" аборигенов Порт-Джексона была еще очень сильна, подтверждают и слова Унковского о том, что аборигены, находящиеся в услужении у англичан, "должны быть при сражениях своих соборов и выполнять в точности всякое дикое обыкновение: хозяин такого слуги нимало не препятствует идти ему на побоище".

Очевидно, что в этом сражении участвовали только мужчины (приблизительно по 50 человек с каждой стороны), следовательно, численность их групп, с учетом женщин и детей, составляла 150-200 человек каждая. Можно предположить, что эти группы были остатками двух племен, численность которых до европейской колонизации составляла в среднем 500 человек. О том, что это не внутрплеменной, а межплеменной конфликт, свидетельствует и кровопролитный характер сражения.

Воспоминания Симонова, который в 1820 г. жил в палатке на Русском мысу, свидетельствуют, что там эта территория постоянно использовалась двумя различными группами аборигенов. Симонов пишет о первой встрече с аборигеном Бурра-Бурра недалеко от Русского мыса: "На вопрос наш о месте его жительства, он указал на все пространство леса" и показал русским место в лесу, недалеко от берега, где на земле было "кругом набросано несколько древесных ветвей, а в середине сего круга видны были следы разведенного огня". На побережье к русским подошли соплеменники Бурра-Бурра — "множество диких, мужчин и женщин; женщины пошли удить рыбу, а мужчины остались близ нас и небольшими железными топориками делали разные рыболовные орудия и выглаживали их стеклом". Очевидно, что хотя к 1820 г. металл и стекло уже заменили каменные топоры и скребки, сама техника производства орудий, половозрастное разделение труда и образ жизни аборигенов оставались традиционными. Симонов продолжает: "Вскоре за сею толпою пришла еще семья диких, под предводительством" 55-летнего Бонгари, на грудь которого англичане повесили медную пластинку с надписью "Boongaree, Chief of the Broken Bay Tribe". Впоследствии Бонгари "один только, со своим семейством, остался кочевать в нашем соседстве; прочие же [т.е. группа Бурра-Бурра] вскоре ... удалились внутрь леса. Однако ж от времени до времени они опять являлись близ нас".

Русские моряки сообщают и о численности групп аборигенов в то время: "Все живут обществами по двадцати пяти, пятидесяти до шестидесяти человек и более, каждое имеет свое название; в одном, называемом Бурра-Бурра, в прошедшем годе считали до 120 человек. Правление их до прибытия англичан было патриархальное, каждое общество управлялось старейшим; но разные английские губернаторы заблагорассудили сами избирать между ними особенных начальников. Сие достоинство и отличие

вышеупомянутым знаком [медная пластинка на цепочке], на шею носимым, дают тем, которые оказывают больше приверженности к англичанам" (Фаддей Беллинсгаузен). "Природные новоголландцы скитаются обществами, из которых самое многочисленное не простирается до 150 человек. Каждое общество имеет особенного старшину и несколько не зависит одно от другого" (Симонов). "Природные жители ... живут обществами в 30, 40, 50 и более человек, и управляются своими старшинами" (Новосильский).

Эти данные позволяют произвести следующую реконструкцию социальной организации аборигенов. "Общества", о которых пишут русские моряки, это, по современной терминологии, общины. Община является основной социально-экономической ячейкой первобытного общества. Численность общины у аборигенов составляла в среднем 50 человек, в прибрежных районах с богатыми природными ресурсами численность могла быть больше. Ядром общины являлось несколько родственных семей, к ним могли временно присоединяться другие дружественные семьи. Часть года они проводили вместе; временами, в зависимости от хозяйственных и социальных условий, расходились на отдельные семьи или группы. Каждая община имела свою определенную территорию, но могла пользоваться и территорией соседних общин с их согласия. Несколько родственных общин (в среднем около десяти) составляли племя, имевшее единый язык и обряды и являвшееся коллективным собственником всех земельных участков входящих в него общин. Исходя из этого можно предположить, что "множество диких", присоединившихся к Бурра-Бурра на берегу, представляли собой ядро общины, владевшей северным побережьем в районе Русского мыса.

"Семейство Бонгари"—это, скорее всего, расширенная семья, кочевавшая в момент встречи с русскими независимо от ядра общины. Беллинсгаузен во время первой встречи с Бонгари упоминает, что тот приплыл на "Восток" с женой Маторой, дочерью и сыном. Показав на своих спутников, он "сказал: «это мой народ», потом, показывая на весь северный берег, сказал: «это мой берег»". На рисунке Михайлова изображена группа Бонгари, которая состоит из четырех мужчин и четырех женщин разного возраста, что в целом верно передает половозрастную структуру расширенной семьи. В ней отсутствуют только маленькие дети, что было связано с падением рождаемости и изъятием детей у аборигенов с целью приобщения их к "цивилизации", проводившимся уже в то время колониальной администрацией.

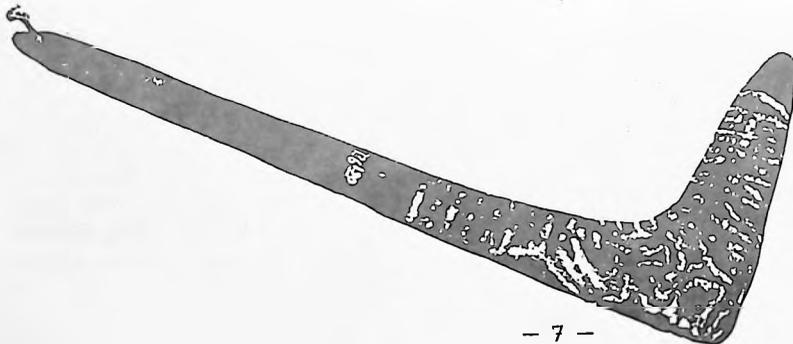
Известно, что северное побережье около Нютрал Бей занимала группа камерайгал, входившая, в свою очередь, в племя курингай, населявшее территорию между Порт-Джексоном и Брокен Беем, главой которого англичане и назначили Бонгари. Очевидно, что и община Бурра-Бурра принадлежала к этому же племени.

Русские моряки наблюдали и другие социальные объединения аборигенов: хозяйственные группы—одна из них, возвращающаяся с рыбной ловли, изображена на рисунке Михайлова "Вид г. Сиднея в Порт-Жаксоне"—и отдельные семьи. В 1814 г. Унковский отмечал, что ему "часто приходилось видеть семейства сих дикарей", которые "обыкновенно раскладывают огонь где-либо под ветром у камня или толстого дерева и тут проводят ночь, а день бродят, куда им вздумается".

Замечания русских о численности общин к 1820 г. позволяют сделать интересное заключение. Ведь известно, что после европейского вторжения численность аборигенов в районе Сиднея сократилась во много раз, тем не менее русские говорят о численности общин близкой к условиям традиционного общества (50 и более человек в зависимости от продуктивности среды обитания). Этому может быть только одно объяснение: остатки общин перегруппировывались и образовывали новые объединения, близкие по численности и стилю жизни к общинам традиционного типа. Сами того не подозревая, русские моряки обнаружили удивительную способность австралийских аборигенов восстанавливать, даже в самых неблагоприятных условиях, традиционную социальную структуру. Именно эта гибкость и поразительная приспособляемость обществ охотников и собирателей позволила им освоить огромный континент и выжить в течение тысячелетий, несмотря на труднейшие условия жизни. (Подробно об этом уникальном свойстве первобытного человека пишет В. Кабо в книге "Первобытная доземледельческая община").

Таким образом, материалы, собранные русскими и относящиеся к аборигенам залива Порт-Джексон, вскоре почти полностью вымершим, подтверждают позднейшие исследования социальной организации аборигенов. Наряду с предметами материальной культуры, которые бережно сохраняются в музеях России, наблюдения русских моряков, их живые рассказы о встречах с аборигенами представляют в наши дни, спустя без малого два столетия, свидетельства большой научной ценности.

Тексты русских моряков цитируются по кн.: Российские моряки и путешественники в Австралии, сост. Е. Говор, А. Массов, М., 1993; Беллинсгаузен Ф. Ф. Двукратные изыскания в Южном ледовитом океане..., М., 1960; [Симонов И. М.] Письмо к * - Казанский вестник, 1829, ч. 25, кн. 1, с. 46-56; Дж. Хантер и др., "Краткое известие о Новой Голландии", пер. А. Струговщикова - Санктпетербургский Меркурий, 1793, ч. 3, июль, с. 45. См также Е. Говор, *Australia in the Russian Mirror*, Melbourne, 1997; В. Р. Кабо, *Первобытная доземледельческая община*, М., 1986; G. Barratt, *The Russians at Port Jackson, 1814-1822*, Canberra, 1981; K. V. Smith, *King Bungaree*, Kenthurst, 1992. Рисунки П. Михайлова воспроизводятся по книгам Ф. Беллинсгаузена "Двукратные изыскания...", СПб., 1831 и "Атлас к путешествию капитана Беллинсгаузена", СПб., 1831.

Оружие аборигенов. Из коллекций русских моряков.